

ЗОВУЩИЕ КОНИ

Первым свихнулся Леван, за ним Хачик, потом Ваник. Душевное расстройство Левана длилось недолго, несколько месяцев. А однажды он забрался на тутовое дерево и крикнул с самой верхушки: "Прыгнуть?"

— Нет, сынок, нет! — в отчаянии всплеснула руками мать. — Слезай!..

Но даже повторить не успела. Леван распростер руки и с воплем "Я птица!" прыгнул. До больницы его не довезли. Когда отец его на одном дыхании прибежал домой, сын был уже мертв. Прыгнул Леван в неполных двадцать два.

Помертвевшая от горя мать на два года отказалась от горячего и постели, обходилась лишь хлебом и водой и не меняла одежду. Потом потихоньку, постепенно смирилась, но как бы не жила уже, а лишь чадила.

Хачик изменился в девятнадцать. В глазах его замелькали какие-то странные переменчивые тени, шаги стали быстрыми, порывистыми, дергаными, словно он сам себе пытался оттоптать ноги. Руки держал вытянутыми вниз — прямо и жестко, всегда ладонями назад.

Любопытно было людям — расспрашивали, подначивали. Хачик останавливался, отвечал на все вопросы, но в разговоре вдруг резко замахивался, а когда собеседник испуганно втягивал голову в плечи, спокойно опускал руку и разражался смехом.

Хачик тоже прыгнул. Забрался однажды на крышу, прыгнул и уже в воздухе очнулся. Его жуткий вопль потряс людей и всю округу, а последними словами были "Зачем я прыгнул?.."

...В десятом классе шел контрольный урок физики. Инспектор внимательно следил за учениками и время от времени задавал вопросы. После очередного вопроса учительница уверенно подняла Ваника, шепнув инспектору, что, мол, это лучший ученик класса, увидите сейчас, как он ответит!

Ваник встал, внимательно обозрел учительницу и неожиданно расхохотался. Класс так и замер.

— Вано, Ваник джан, что с тобой? — испуганно вскрикнула учительница, а Ваник спокойно сел за парту.

Со временем странностей у Ваника все прибавлялось. Порой он словно совершенно отрешался от мира, а иногда приходил в себя, становился серьезным и разумным. Какая-то бессмысленная улыбка вечно блуждала на его лице, глаза стали необыкновенно глубокими и блестящими, со странным магнетическим выражением.

К концу года Ваник уже лишь изредка появлялся в школе, без учебников и тетрадок, отсиживал пару часов, часто вставая и мешая вести урок, а то вдруг хлопал себя ладонями по бедрам и с печальным и загадочным видом возвещал: "Нету, не нашел!"

— Что не нашел, Ваник джан? — спрашивала учительница.

Но Ваник лишь разочарованно махал рукой и уходил, не удостоив учительницу ответом.

Школа с болью и горечью примирилась с безумием Ваника. Ученикам строго-настрого запретили заводить с ним беседы. Окончив школу, сверстники его разъехались кто куда.

Прошли годы, а Ваник все так же оставался в селе — бродил по улицам, по лесным опушкам, по полям, тайком подглядывая за работавшими на кукурузных полях девушками. Появлялся в самых неожиданных местах и все время искал что-то. Взгляд его блуждал в каких-то далях, а когда смотрел на людей, прямо в глаза, это был, казалось, не взгляд, а вопросительный знак.

— Не видели? — спрашивал он. — Мимо вас не пробежал?

— Кто? — спрашивали его. — Кого ты ищешь?

— В эту сторону побежал, я видел. Это ты увел! — тыкал он пальцем в кого-нибудь, впивался в него лихорадочно блестящими глазами. Потом вдруг резко поворачивался и восклицал: — Фр-р, улетел! — И, снова разразившись смехом, уходил, устремив глаза на полу-скрытые облаками далекие горы.

Люди лишь растерянно переглядывались: издевается он над нами, что ли?

А Ваник через какое-то время уже совсем в другом месте вновь расспрашивал людей о своей загадочной потере. Потом с горящими глазами вдохновенно рассказывал о том, как со своим Чернышом одолел все барьеры и занял первое место в мире.

— Эту вот медаль за победу и получил, — говорил он. — А мне и Чернышу на шею венки повесили! — И вдруг настораживался: — Ого, идет! Слышите? Не идет, не бежит — летит! Поймайте моего коня, ловите его!.. — И стремглав срывался с места, вытянув руки вперед, с отрешенным взглядом, громко зовя: — Черныш, Черныш!

Со временем походка Ваника все больше уподоблялась походке Хачика — такая же дерганая, порывистая.

Сначала его просто жалели, потом попривыкли, и теперь люди — чаще всего дети — на расспросы говорили: "Конь твой в ту сторону ускакал, вон к той горе!" — и Ваник мчался стремглав, добегал до подножья лесистой горы и, усталый и разочарованный, шел обратно. Вот так и бегал день-деньской Ваник, искал своего пропавшего коня, потом по-нуро и обессиленно возвращался в село и подходил к собравшимся на деревенской площади — рот бессмысленно приоткрыт, одежда висит мешком, руки скрещены на груди.

— Курнешь? — спрашивал кто-то из мужиков. Ваник брал зажженную сигарету, затягивался и до слез заходил в кашле, содрогаясь всем своим щуплым телом.

— Ваню, вон твой конь! — в это самое время кричал ему кто-то из толпы, и Ваню снова срывался с места и бежал, задыхаясь от кашля.

Смерть второго сына сломала мать, целый год она почти не выходила из дома. Не раз уже по селу расходился слухок, что померла Србуи, но по воскресеньям доносились с кладбища ее стенания, и понимали люди, что нет, жива еще.

— Ишь как убивается... — качали они головами.

Безумие третьего сына сломало Србуи, она просто окаменела от горя. Зимой и летом неизменно в черном, завернув в черный передник еду, день-деньской искала она сына, находила, кормила прямо на улице, в поле, в лесу или на гумнах, а то и уговаривала пойти домой. "Конь твой вернулся, — говорила ему, — во дворе его привязала". С ужасом думала она, что Ваник, как и старшие его братья, прыгнет...

Увидев бредущую в траурной черной одежде Србуи, мужчины сникали, опускали глаза. Даже на кладбище затихали стенания и плач, когда она приходила туда — с сухими глазами, холодным лицом, высоко держа голову в туго завязанном черном платке. Она не согнулась от боли, и не было жалкости в ее облике. Высохла просто, и навечно запечатлелись страдание и неизбывная печаль в уголках губ и глубине глаз... Горе въелось в самую душу матери Ваню, ощущалось в ее шагах, дрожи голоса, чертах лица. И когда она, придя на кладбище, надрывно плакала без слез, причитала и обращалась к сыновьям, все на кладбище замолкало, разве что изредка доносился одинокий всхлип да какая-нибудь из скорбных старух шамкала:

— Поплачь, поплачь, Србуи, хоть полегчает...

И в своем плаче вспоминала Србуи Левана, Хачика и живого еще Ваника... На глазах ее день ото дня менялся ее последний сын, и мать, бессильная сделать что-нибудь, но даже в горе своем непобежденная, только таяла на глазах, высыхала, зная, что спасения нет, что скоро конец и что она еще будет вспоминать эти дни как счастливое время...

— Ваник мой еще с детства коней любил и говорил, что, когда вырастет, коня себе купит и станет самым ловким наездником в мире... — горько тешила она себя.

В один прекрасный день в селе появилась девушка из Еревана со странным именем Анутик. И обликом своим, и одеждой ничем не напоминала Анутик местных девушек.

Увидел ее Ваник, остановил на тропке к роднику и спросил:

— Пришла?

— Да, — ответила Анутик и звонко рассмеялась.

— Выйдешь за меня? — спросил Ваник. — Вот найду своего коня, подхвачу тебя на седло и увезу!

Потом люди узнали, что Ваник вместе с Анутик снимался во многих фильмах. По каким только местам не скакали они вместе!

— Опять зовут, — говорил Ваник. — Посажу Анутик на Черныша и полетим! Анутик — моя любовь, — обязательно добавлял он напоследок и скалился беззвучно.

Два месяца гостила Анутик у своей бабушки, и на два месяца забыл Ваню своего Черныша — все время крутился вокруг Анутик. В руке у него неизменно оказывалась роза, которую он держал двумя пальцами, — вдохнет аромат и протягивает девушке.

Анутик в шутку заигрывала с парнем, делала вид, будто и сама влюблена.

Порой прояснялся затуманенный разум Ваню, и он с тоскливой печалью осознал все. Новое помутнение начиналось исподволь, медленно. Ваню словно бы отключался, уставившись в какую-то неопределенную точку. Откуда-то издали, из очень далекого далека доносились до его слуха стук копыт, ржание коня, они потихоньку приближались, нарастали, потом стук копыт и ржание обгоняли его, и где-то далеко впереди, в облаках, Ваню видел парившего в воздухе Черныша.

Стоило только кому-нибудь заговорить с Анутик или даже просто пройти мимо их дома, как мирная тьма Ваню вспухала яростным безумием, и тогда он становился опасным для окружающих. В таких случаях нескольким мужикам с трудом удавалось скрутить его, отвести домой и запереть, пока не успокоится.

Анутик уехала.

Состояние Ваню становилось все тяжелее. На сельской площади всегда околачивалось несколько человек, и всегда находился какой-нибудь молодой лоботряс, напоминавший Ваню — хотя люди постарше и старались приструнить их — то о пропавшем коне, то об уехавшей в город девушке. А как-то раз кто-то из молодых со смешком сообщил Ваню, что Анутик похитили, увезли.

Ваню запустил в него камнем, и парня еле откачали. Единственный сельский фельдшер, которого все звали "доктор", посоветовал матери Ваню отвезти сына в психиатрическую клинику. Мать долго сопротивлялась, потом все же поддалась на уговоры, и Ваню увезли.

Шесть месяцев провел Ваню в психиатрической клинике. Мать часто навещала его, и как-то раз приехала в момент, когда разум Ваню прояснился. Похудевший, кожа да кости, Ваню взмолился:

— Увези меня отсюда, мам!..

Не выдержала мать, забрала сына. И Ваню снова появился на улицах села — тощий, с выпирающими скулами. Язык у него тоже стал заплетаться, и слова вылетали еще более быстрые и невнятные, чем раньше.

Ниже села по дну каменистого ущелья текла речка. На ней сделали небольшую запруду, где летом купали овец. Пастухи хватали овец за курдюк и загривок и с плеском бросали в воду. "Бэ-э!" — отчаянно блеяли овцы, затем, выбравшись на другой берег, начинали отряхиваться. Купали овец раз в год, и в этот день все село собиралось сюда — кто устраивался у самого берега, кто на откосах: наблюдали овечье купание.

Ваню припозднился и, смешавшись с людьми на краю ущелья, тоже стал смотреть — пристально, внимательно. В первый раз, наверное, никто не заметил его присутствия.

И вдруг Ваню услышал со стороны ущелья стук копыт, потом конское ржание. Цокот копыт мчавшейся галопом лошади приблизился, и Ваню увидел Черныша, плывущего в воздухе над ущельем с развевающимися гривой и хвостом.

Нет, это не Черныш — девушка. Это ее кудри развеваются на ветру. Девушка призывно машет рукой и звонко смеется. Да нет, все-таки это конь — вот он встал на дыбы, заржал, зовя Ваню. А на его спине — Анутик в белоснежном свадебном платье, с челочкой над глазами, белая фата трепещет на ветру, и она смеется, смеется!.. Конь заржал, вздыбился и замер так на миг с невестой в седле. А потом Анутик отделилась от коня, поплыла назад — воспарила медленно-медленно, держа в руках уздечку, и исчезла в облаках.

Анутик исчезла, и Ваню снова увидел запруду внизу, людей, жалобно блеющих и отряхивающихся овец. А потом и это исчезло. Теперь он маленький ребенок, а перед глазами его почему-то лежащий на земле, под деревом Леван... А вот он уже юноша, а во дворе их дома Хачик, весь в крови, и мать, рвущая на себе волосы... Ваню ужасает вид крови, и он закрывает лицо руками. А вот школа, их класс — все его хвалят. А теперь — сельская площадь, и все смеются над ним, издеваются... Вот снова он — протягивает розу какой-то девушке... И Анутик смеется звонко, заразительно, словно поет. Теперь он в больнице, его бьют, он голоден, но не ест, потому что не может... Мать привозит его в село, но де-

вушки с красивым именем Анутик нет, и никто больше не умеет смеяться так, как она, и вокруг пустота, вокруг тьма...

Черныш, без уздечки и седла, спокойно плывет в голубизне. Он все ближе, ближе. И заструился из глаз Вано необыкновенный свет. Теперь вокруг все чисто и ясно, светло и тепло... И Вано с нетерпением потянулся к Чернышу и слился со светом, а конь отдалился, перебирая ногами, и воспарил над бездной.